

\* \* \*

Всю ночь гудели самолёты  
За тучами, над высотой.  
Светились окна словно соты  
С начинкой нежно-золотой.

В меду таинственном тонули  
Заботы и печали дня,  
Но небеса стояли в гуле  
И острых высверках огня.

Тянуло дымом от окраин –  
Горел весенний сухостой.  
Вся ночь была печальным раем  
С начинкой нежно-золотой.

И в этой ласковой печали  
Казался гул ещё острее...  
И долго свет не выключали  
Во тьме грядущих новостей.

\* \* \*

То рыдает, то хохочет – живу душу береги! –  
Оторвался колокольчик от малиновой дуги.  
Разошёлся майской птицей – да забило снегом рот:  
Оторвался, покатился на обочину в сугроб.

Налетела мелким бесом понизовая пурга,  
Месяц выставил над лесом розоватые рога,  
Навалился душной ночью на дорогу-колею,  
Разбудил обиду волчью на глухую жизнь свою...

Мчались молча – и домчали до ближайшего огня.  
Горше не было печали в этой жизни у меня:  
Колокольчик, друг сердечный, серебристо-заливной,  
Звон ли твой, уже нездешний, день и ночь летит за мной,  
Оглушает эхом дальним, до земли клоня ковыль –  
То дорожным, то кандалным, то набатом вековым...

\* \* \*

Такие были сильные снега –  
До сей поры стоит вода в долинах.

И небо, размывая берега,  
Волнуется в высотах соколиных.

И как шампанским праздничный бокал  
Исполнен мир весенней лёгкой дрожью –  
И так легко, взмывая к облакам,  
Одoleвать сырое бездорожье,

Ведя по краю лезвие крыла,  
Кроить неспешно полотно земное,  
Пока ещё на сердце не легла  
Истома ослепительного зноя.

\* \* \*

Оглядываясь беспечно на дальние голоса,  
Спохватываясь поспешно: оглядываться нельзя! –  
Чувствуешь: ближе, ближе, уже над самым плечом  
Лёгких листочков книжных шепоток ни о чём.

И всплскивается, ярко, словно бы наяву,  
Запах румяных яблок, падающих в траву,  
И клювом стучит синица в надтреснутое стекло,  
И прошлое счастье снится, не ведая, что прошло:

Скрипнувшей половицей, радостью – кто пришёл?  
Яблочной половинкой, влажным ещё ножом,  
Ложечкой в звонкой чашке, солнцем из всех щелей...  
Летнее моё счастье, непроходящее!

\* \* \*

Попивая лихой коньячок из горла:  
– А ты знаешь, какой она прежде была!  
Как любил-горевал, миловал-погибал,  
Как беспечно ночную черёмуху рвал!..

Что мне делать, Господь, с этим горем чужим?  
Он поэт, он умрёт через год с небольшим

От сердечного приступа в доме пустом –  
И теперь только я буду помнить о том,  
Как любил-погибал, как черёмуху рвал,  
Коньяком суррогатным тоску заливал...

Всё по силам, Господь, ибо Ты милосерд.  
Мне сказали: полицию вызвал сосед.  
Дверь взломали под вечер. В раскрытом окне  
Полыхала метель и металась в огне.  
Он ничком бездыханно лежал у стола...

Я не знаю, какой она прежде была,  
Как пылала и пела, сводила с ума  
Вся в огнях и черёмухе майская тьма,  
Как любила, лгала и была неверна –

Но черёмуха шествует мимо окна,  
Торжествуя, пылая, маня и казня,  
И на ветках её не убудет огня.

\* \* \*

Январь у моря – сон во сне:  
В далёкой северной стране  
В станице с именем Буранная  
Вздывает ветер гриву рваную  
И сбрасывает седока  
Ничком в густые облака.

И тот летит сквозь пену снежную,  
Пронизывая муть кромешную –  
Летит сквозь время напролом,  
Глаза прикрывши рукавом...

Пустынный пляж. Чужие, синие,  
Толкают берег волны, с силою  
К его ногам бросаясь ниц...  
Ты море? – Море. – Поклянись!  
Волна выносит страшной клятвою

Какую-то железку, смятую  
Немыслимою глубиной,  
Таящей морок ледяной... .

Январь. Проснуться ли, очнуться ли,  
Но всё равно пора туда,  
Где свет плывёт по снегу блюдцами,  
Пока не рвутся провода,  
Где больше не о чем печалиться,  
Как проглядеть до солнца муть,  
Где шаг – и сразу твердь кончается,  
Но больше некуда шагнуть.

\* \* \*

Что из дома? – Пара строчек в личке.  
Некогда – почти что никогда.  
Вымокли столбы, как будто спички,  
По полу февральской электрички  
Загуляла талая вода.  
У зимы в Москве свои привычки,  
И не угадаешь – вот беда! –

Посреди какого перегона,  
Смешивая грохот с тишиной,  
Прямо через палубу вагона  
Ночь перехлестнёт тугой волной

И сметёт нечаянно в пучины,  
Где плывут обрывками сетей  
Тёмные – во тьме неразличимы –  
Ветви, тени, призраки ветвей...

Ничего, что в мире удержало б  
И могло позвать издалека.  
Только лишь наивных детских жалоб  
Лодочка бумажная легка –

Но смешны мечты или обиды.  
Господи, остави всё как есть!  
Видишь, буквы сразу же размыты –  
И уже ни слова не прочесть.

Только эта лёгкость и чудесна,  
Бессловесна и во тьме бела,  
Только эта лодка через бездну  
К берегу добраться бы смогла.

\* \* \*

*Н. Д.*

Никуда не денешься: просто – да хитро...  
Обронила денежку около метро.  
Даже не заметила, что там за пятак.  
Ладно, в Шереметьево доберусь и так.

Ах, душа-провинция, сердце-регион!  
У меня провинностей ровно миллион  
И стремленье слабое сильным угодить –  
Мне столичной славою не за что платить.

Сытый снежной кашею, пригород обмяк.  
Да у нас по-вашему не прожить никак!  
Всё бы вам оставила, что у вас в цене –  
Ведь у нас-то набело, что у вас вчерне.

А живёшь-надеешься только на добро.  
Обронила денежку около метро –  
Ладно, в Шереметьево добралась и так.  
Даже не заметила, что там за пятак...

\* \* \*

Степь отдыхала от жары. Она, закрыв глаза на вдохе,  
Глядела в странные миры, во тьмы ушедшие эпохи.

За поворотами реки, блестящими полукругами,  
Дрожали словно поплавки едва приметные курганы.

Тень пронесли облака, и чудилось: под облаками  
Большие рыбины-века во сне колышут плавниками  
И тьма спускается к воде – но этой жажде не напиться.  
И в каждой капле – по звезде, и в каждом выдохе – по птице...

Не оттого ли тяжелы часы степного предвечерья?  
В тугие связаны узлы тысячелетние кочевья,  
И в каждом птица и звезда из родника или колодца –  
Но позабыты невода, и ячeya сухая рвётся,  
И с колчанами белых стрел выходят ветры брат на брата...

У горизонта хлеб горел, и дым стоял над ним горбато –  
Стоял клонясь над полем битв, где боль ещё не доболела,  
И там, где сердцу должно быть, безмолвно солнце багровело.

\* \* \*

Одуванчики, лопухи,  
Море солнечной шелухи  
На краю городского сада...  
Так и носишь с собою впрок  
До грядущего снегопада  
Золотистый сухой клубок.

Мать-и-мачеха, череда,  
Незабудки для никогда...  
По горячей асфальтной кромке  
Подорожник, угрюмый страж:  
У него разговор короткий –  
Что потребует, то отдашь.

Сколько в камень ни забирай –  
На земле прорастает рай,  
Возвращается пядь за пядью:  
Повилика да зверобой...

Сядет бабочка на запястье –  
Уведёт тебя за собой

Под акацию да сирень,  
Где посвистывает свирель,  
Сердце робкое подзывая,  
Крошки солнечной подложив...  
Так улавливает живая  
Жизнь, угадывая, кто жив.